

На правах рукописи

НИКИТИНА Лариса Борисовна

**ОБРАЗ-КОНЦЕПТ «НОМО SAPIENS»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
КАК ОБЪЕКТ АНТРОПОЦЕНТРИСТСКОЙ СЕМАНТИКИ**

Специальность 10.02.01 – «Русский язык»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Омск – 2006

Работа выполнена
в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского

Научный консультант: доктор филологических наук, профессор
Осипов Борис Иванович

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Кузьмина Наталья Арнольдовна

доктор филологических наук, профессор
Чудинов Анатолий Прокопьевич

доктор филологических наук, профессор
Шкуропацкая Марина Геннадьевна

Ведущая организация: Самарский государственный
университет

Защита состоится 26 сентября 2006 г. в 10 ч. на заседании диссертационного совета ДМ 212.179.02 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора филологических наук в Омском государственном университете им. Ф.М. Достоевского по адресу: 644077, г. Омск, пр. Мира, 55а.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Омского государственного университета

Автореферат разослан __ июня 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Г.А.Кривоzubова

Антропологическая парадигма в современном отечественном языкознании, представленная рядом направлений, характеризуется единым объектом научных поисков многих исследователей образа человека как создателя языка, отображающего в языке и посредством языка свое сознание, свое видение мира и самого себя в этом мире. На базе классической и новейшей, когнитивной, семантики, формируется одно из главных течений лингвоантропологии – антропоцентристская семантика, выдвигающая на первый план задачу моделирования образа человека по данным языка. Для этого течения принципиально важным является изучение языка по «мерке человека» (Э. Бенвенист): язык в человеке и человек в языке должен изучаться в единстве с национально-культурными, социально-психологическими и индивидуальными факторами. Данная черта антропоцентристской семантики обуславливает ее интегративный характер, междисциплинарность, комплексность, комплементаризм всех научных изысканий и выводов. Основываясь на идее В. фон Гумбольдта об отображении «духа народа», т. е. национального своеобразия миропонимания, в языке, антропоцентристская семантика сосредоточивает свое внимание на исследовании особенностей языковой концептуализации действительности в целом (языковой картины мира) и отображении в языке отдельных смысловых универсалий (фрагментов языковой картины мира – языковых образов-концептов). Среди объектов антропоцентристской семантики особый статус имеют те, которые представляют собой прямое воплощение человека: его внешних и внутренних черт, способностей, действий, качеств, состояний. Одной из важнейших нашедших отображение в языке ипостасей человека является интеллектуальная (*homo sapiens*). Поэтому можно утверждать, что современные лингвистические исследования языковых репрезентаций интеллектуального мира человека органично вписываются в человековедческую парадигму изучения феномена *homo sapiens* и открывают перспективы его дальнейшего осмысления с опорой на языковые данные.

Актуальность темы и проблематики диссертационной работы мотивируется, во-первых, необходимостью осуществления многопланового, системного описания языкового образа человека во всех его ипостасях, и прежде всего в главной ипостаси – интеллектуальной, во-вторых, отсутствием в современной отечественной лингвистике специальных исследований языкового образа-концепта «*homo sapiens*». Кроме того, требуют дальнейшей разработки, совершенствования, апробации и верификации идеи и методология антропоцентристской семантики.

Объект исследования – множество языковых и речевых репрезентаций интеллектуальных проявлений и характеристик человека в современном русском языке.

Предмет исследования – основные черты языкового отображения

человека разумного, объективируемые лексико-семантическими, семантико-синтаксическими, функционально-прагматическими значениями и категориями в их единстве и взаимодействии с экстралингвистическими факторами, детерминирующими содержание и функционирование языкового образа-концепта «*homo sapiens*» в разных дискурсах, текстах, ситуациях.

Цель исследования – семантическая реконструкция образа-концепта «*homo sapiens*» как фрагмента русской языковой картины мира (ЯКМ) на основе обобщения его репрезентаций в современной русском языке с опорой на идеи и методологию антропоцентристской семантики.

Поставленная цель конкретизируется в следующих **задачах**:

1. Осуществить анализ основополагающих идей антропоцентристской семантики, с тем чтобы, опираясь на них, сформулировать главные методологические принципы, аспекты, проблематику исследования образа-концепта «*homo sapiens*» в русской ЯКМ.

2. Исследовать лексико-семантический аспект репрезентаций образа-концепта «*homo sapiens*».

3. Описать семантико-синтаксические модели высказываний о человеке разумном и определить их роль в воссоздании образа-концепта «*homo sapiens*».

4. Охарактеризовать семантико-прагматический аспект отображения человека разумного в русской ЯКМ.

5. Обобщить результаты поаспектного описания языковых репрезентаций *homo sapiens* в системе категориальных семантических черт.

6. Определить характер влияния экстралингвистических факторов на языковое отображение человека разумного и выявить наиболее значимые лингвокультурологические интерпретации *homo sapiens* в русской ЯКМ.

Основная гипотеза предпринятого исследования – идея существования образа-концепта «*homo sapiens*» как фрагмента русской ЯКМ, воплощенного в системе разноуровневых семантических единиц, категорий, закономерностей функционирования языка. **Методологическая гипотеза** исследования – признание принципиальной возможности на основе методологии антропоцентристской семантики осуществить реконструкцию этого языкового образа-концепта.

Материал исследования составляют данные лексикографических источников, паремиологических справочников (около 1500 слов, фразеологизмов, паремий), высказывания и тексты разных стилей и жанров (около 5000 высказываний и текстовых фрагментов), содержащие разноплановые характеристики интеллекта человека. В процессе сбора и систематизации основного языкового материала применялись семасиологический и ономасиологический подходы, т. е. фиксировались все языковые единицы, в семантике которых эксплицитно или имплицитно воплощается *homo sapiens*: и те, в которых присутствует «интеллектуальная

сема», и те, в которых «сема интеллектуального человека» выявляется в результате анализа экстралингвистического контекста. В качестве дополнительного материала использовались ответы участников психолингвистического ассоциативного анкетирования (всего 310 опросных листов), содержащие индивидуальные толкования значений языковых единиц, реконструированные высказывания и указания информантов на ассоциации в связи со словами интеллектуальной сферы (ИС).

Представляющие языковой узус, ассоциативный тезаурус, демонстрирующие стереотипные представления носителей русского языка о *homo sapiens* единицы и конструкции (конвенциональные метафоры, сравнения, перифразы, фразеологизмы, пословицы, поговорки, крылатые изречения) получены в результате выборки из словарей разных типов: *Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.* Крылатые слова. М., 1955; *Баранов О.С.* Идеографический словарь русского языка. М., 1995; *Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.* Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 2001; В мире мудрых мыслей / Ред. А.Г.Спиркин. М., 1962; *Даль В.И.* Пословицы русского народа: В 3 т. М., 1993; *Даль В.И.* Толковый словарь русского языка. Современная версия. М., 2002; *Душенко К.В.* Большая книга афоризмов. М., 2000; *Душенко К.В.* Словарь современных цитат. М., 1997; *Жуков В.П.* Словарь русских пословиц и поговорок. М., 1991; *Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А.* и др. Русский ассоциативный словарь. М., 1998; Крылатые слова. По толкованию С.Максимова. М., 1955; *Михельсон М.И.* Русская мысль и речь: свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1979; *Мокиенко В.М.* Словарь сравнений русского языка. СПб., 2003; *Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1999; Словарь библейских крылатых слов и выражений. СПб., 2000; Умное слово: Афоризмы, мысли, изречения, крылатые слова / Сост. А.И.Соболев. М., 1964; Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. М., 1967; Чаша мудрости: Афоризмы, изречения, высказывания отечественных и зарубежных авторов. М., 1978.

В диссертации осуществлен условно синхронный подход к изучению языкового образа-концепта «*homo sapiens*» с использованием словарных и текстовых источников русского языка в хронологических пределах от Пушкина до наших дней.

Теоретическая основа исследования сформирована с опорой на фундаментальные положения об антропоцентризме языка, связи языка и мышления (В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня, Л.С. Выготский, А.А. Леонтьев, Б.А. Серебрянников и др.), о существовании ЯКМ, составляющими которой являются образы мира, запечатленные в семантике языка, о влиянии экстралингвистических факторов на языковые репрезентации объектов окружающего мира, о национально-культурном своеобразии ЯКМ (В.Н.

Телия, Ю.А. Сорокин, В.И. Постовалова, Н.Д. Арутюнова, Г.В. Колшанский и др.), об отображении в языковых образах мира и человека особой «мерки человека» (Э. Бенвенист, Ю.Д. Апресян и др.).

Методология исследования основана на идеях и методах антропоцентристской (интегративной) семантики, конкретная реализация которых подчинена задаче выявления и типизации контекстуально и экстралингвистически обусловленных и не обусловленных языковых и речевых репрезентаций концепта на всех уровнях языковой системы, в текстах разных стилей и жанров, в разнообразных речевых ситуациях, в том числе в условиях эксперимента. В исследовании использовались **частные методики и приемы**: концептуального анализа, компонентного анализа, полевого структурирования, семантико-синтаксического моделирования, дискурсивного анализа. Общая установка на интегративность исследования обусловила привлечение данных и методик междисциплинарных направлений лингвистики: лингвокультурологии, психолингвистики, лингвострановедения, социолингвистики, когнитивной лингвистики – и привела к последовательному сопоставлению языковедческих наблюдений со сведениями, предоставляемыми нелингвистическими науками о человеке. С целью получения дополнительного иллюстративного языкового материала, подтверждающего данные, полученные при помощи использования разных методов семантического анализа, был применен экспериментальный метод. Психическая активность испытуемых, нацеленность на обнаружение ассоциативных связей слов и словосочетаний, неподготовленность и вопросно-ответный характер эксперимента позволили квалифицировать его как прием психолингвистического ассоциативного анкетирования. Выбор исходного материала для эксперимента осуществлялся в соответствии с темой исследования и материалом, добытым из других источников: словарей, текстов, живой разговорной речи.

Научная новизна работы. В диссертации представлена авторская общая характеристика одного из течений современной отечественной лингвоантропологии – антропоцентристской семантики и осуществлена программа практической реализации интегративного метода описания языкового образа-концепта. Ранее не подвергавшийся комплексному исследованию образ-концепт «*homo sapiens*» в русской ЯКМ описан на широком языковом/речевом материале с учетом экстралингвистических факторов, детерминирующих его содержание. Анализ всех языковых репрезентаций *homo sapiens* впервые произведен в аспекте ментальной и языковой категоризации; соответственно описаны характерные для языкового образа-концепта «*homo sapiens*» категориальные семантические черты: партитивность, оценочность, стереотипизация. В диссертационной работе впервые предложены типологии семантических и прагматилистических репрезентаций *homo sapiens*: лексико-семантические

(отражающие соотношение в языке целостного и частичного homo sapiens и его характеристики), семантико-синтаксическая (представляющая базовые семантические структуры характеристики человека разумного), функционально-прагматические (фиксирующие жанровую специфику высказываний о homo sapiens и коммуникативно обусловленные способы характеристики человека разумного), а также типология ассоциативных образов, являющихся показателями стереотипизации homo sapiens в русской ЯКМ. Исследование содержит авторские формулировки определений общих понятий: «языковая картина мира», «языковой образ-концепт», «категориальная семантическая черта», «семантическая категория», а также формулировки определений частных понятий: языковых образов-концептов «человек» и «homo sapiens», названных выше категориальными семантическими черт, семантических категорий «часть-целое», «оценка», «стереотип», структурно-семантических моделей характеристики homo sapiens, оценочных речевых жанров репрезентации языкового образа-концепта «человек разумный»: портретирования, одобрения, порицания, сентенции. Впервые описана шкала оценки человека разумного, определены ресурсы косвенности оценок, охарактеризованы ментально-языковые национально-культурные стереотипы оценки человека разумного в русской ЯКМ.

Теоретическая значимость диссертационной работы состоит в том, что в ней выделены и охарактеризованы базовые идеи антропоцентристской семантики и на их основе разработана и апробирована методология исследования языкового образа-концепта «homo sapiens». Теоретически значимым является исследовательский результат, открывающий возможность реконструкции отображенных в языке смысловых универсалий – фрагментов русской и других национальных ЯКМ. Определение и описание категориальных семантических черт языкового образа-концепта «homo sapiens» (партитивности, оценочности, стереотипизации) и сопровождающие их выводы о глобализации этого образа могут быть оценены как теоретический вклад в современную семантику, задачи которой – системное исследование языковых единиц, определение границ и пересечений лексико-семантических и семантических полей, решение проблемы соотношения значения и смысла. Предложенные в диссертационном исследовании типологии лексических и синтаксических единиц и их описание, выводы о разноуровневых языковых средствах, обозначающих качество и степень интенсивности оценки homo sapiens, могут способствовать более глубокому осмыслению частных вопросов теории языковой номинации и семантической предикации, теории оценки в русском языке. Наши наблюдения над семантическими трансформациями языковых единиц ИС, экспансией предикатов ИС в другие сферы, десемантизацией лексем со значением оценки интеллекта расширяют представления об активных семантических процессах в русском языке.

Выводы, касающиеся специфики речевых жанров, ресурсов косвенности высказываний, могут представить интерес для исследователей стилистики речи, речевых актов и жанров, так как они позволяют уточнить связь семантики высказываний и отображенных в них коммуникативных ситуаций.

Практическое значение диссертации заключается в том, что содержащиеся в ней наблюдения и выводы могут быть использованы в преподавании таких лингвистических дисциплин, как лексикология, синтаксис, стилистика, культура речи, риторика, история лингвистических учений, спецкурсов в духе активной грамматики, в частности, в преподавании русского языка как неродного, а также курсов междисциплинарного характера, таких, как лингвокультурология, психолингвистика, социоллингвистика, лингвострановедение. Материал диссертации может быть выборочно использован в качестве дополнительного в процессе преподавания тех предметов, которые связаны с проблемой человека: философии, истории, психологии, литературы, культурологии, социологии. Результаты диссертационного исследования могут найти применение в процессе разработки новой учебной литературы лингвоантропологической ориентации.

Положения, выносимые на защиту:

1. Методология антропоцентристской (интегративной) семантики, заключающаяся в выявлении и типизации контекстуально и экстралингвистически обусловленных и не обусловленных языковых и речевых репрезентаций концептуальной сущности на всех уровнях языковой системы, в текстах разных стилей и жанров, разнообразных речевых ситуациях, в том числе в условиях эксперимента, и характеризующаяся междисциплинарным, межуровневым, комплементарным подходом к описанию языкового образа-концепта, акцентированием роли человеческого фактора в его формировании, обеспечивает полноту и адекватность реконструкции образа-концепта «*homo sapiens*» как одного из основополагающих фрагментов русской ЯКМ.

2. Образ-концепт «*homo sapiens*» характеризуется такими основными категориальными семантическими чертами, как паритивность, оценочность, стереотипизация, являющимися универсальными для отображения человека в целом и отдельных его ипостасей в русском языке. Категориальный статус выделенных семантических черт определяется наличием в них типовых значений высокого уровня абстракции: «часть-целое», «оценка», «стереотип», реализующихся комплексами частных значений и их контекстуальных вариантов. Названные категориальные семантические черты отражают процессы и результаты концептуализации *homo sapiens* носителями русского языка, проявляющиеся на всех уровнях языковой системы, позволяющие говорить о наиболее характерных лексико-семантических, семантико-

синтаксических, прагматистических особенностях отображения homo sapiens в русской ЯКМ.

3. В семантической категориальной оппозиции «часть-целое», типичной для образа-концепта «homo sapiens» в русской ЯКМ, запечатлены представления носителей русского языка о человеке разумном как сложном, иерархичном образовании, составляющими которого являются все доступные человеческому осмыслению фрагменты мира, как внутренние, так и внешние по отношению к человеку. Осмысление homo sapiens по образу и подобию внешнего мира обуславливает сходство характеристик целостного и частичного человека по форме и содержанию. Homo sapiens в русской ЯКМ – это безграничный, многоликий, динамичный микрокосм, созданный воображением человека разумного.

4. Присущая образу-концепту «homo sapiens» категория оценки, проявляющаяся на всех уровнях языковой системы и отраженная в бинарных (например: *умный – глупый*) и разнообразных многочленных (например: *умный – глупый – средний; нормальный – средний – глупый*) семантических оппозициях, является необходимым и обязательным компонентом функционального содержания всех речевых произведений, в которых есть тема интеллекта, и характеризуется шкалированностью, градуированностью, широким спектром оснований, разнообразием прямых и не прямых форм выражения, определяемых ситуациями общения.

5. Отраженные в языке/речи устойчивые представления о разуме как величайшей дарованной человеку ценности, о корреляции умственного и нравственного начал в человеке, о приоритете нравственных качеств в оценке homo sapiens, об особом интеллектуальном устройстве русского человека, об обусловленности оценки homo sapiens возрастом, полом, национальностью, уровнем образования, профессией, родом занятий, социальным статусом свидетельствуют о национально-культурной детерминированности образа-концепта «человек разумный» в русской ЯКМ и о соответствующих стереотипах. Процесс и результаты стереотипизации homo sapiens, воплощенные в типичных для носителей русского языка ассоциациях и сравнениях человека разумного с одушевленными и неодушевленными предметами, обусловлены, в частности, влиянием прецедентных текстов и прецедентных ситуаций, в которых зафиксирована связь интеллекта с другими сторонами человека. Характерные для образа-концепта «homo sapiens» ментально-языковые стереотипы дополняются разнообразными отображенными в языке нестереотипными индивидуальными представлениями и оценками, реализующими присущую человеку креативную свободу и инициативу.

6. Такие характерные особенности языковых репрезентаций homo sapiens, как соотношение с интеллектом всех частей человека и окружающей его действительности; «очеловечивание» разнообразных атрибутов человека

и предметов окружающего мира через приписывание им интеллектуальных действий, качеств, состояний; характеристика-оценка разных сторон человека и объектов действительности, с которыми связан человек, через призму интеллекта; наличие на шкале оценки интеллекта диффузных значений, обусловленных влиянием разных оснований оценки человеческих проявлений; широкая градуированность и шкалированность оценки homo sapiens; тенденция к расширению значений лексем ИС, их десемантизация и экспансия в другие сферы; вовлечение в семантическое пространство «homo sapiens» разнообразных языковых репрезентаций внешнего и внутреннего человека; стереотипизация человека разумного в связи с разными его сторонами, которые осмысляются как опосредованные интеллектом и опосредующие его; широкий прагматический потенциал оценки homo sapiens, в частности, предоставляемые языком при участии нелингвистических факторов способы косвенной оценки человека разумного, – свидетельствуют о языковой глобализации образа-концепта «homo sapiens» в русской ЯКМ (т. е. о его предельно широком осмыслении и содержании, о его центральной роли в процессах языковой концептуализации мира).

Апробация работы. Материалы по теме диссертации представлены на международных конференциях «Язык. Время. Личность» (Омск, 2002), «Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения» (Улан-Удэ, 2004), «Русская филология: язык – литература – культура» (Омск, 2004), «Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования» (Санкт-Петербург, 2004), «Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты» (Бийск, 2004), «Язык. Культура. Коммуникация» (Челябинск, 2005). Основные положения диссертации обсуждались также на всероссийских научных конференциях «Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникации» (Омск, 1992), «Русский вопрос: история и современность» (Омск, 1994), «Язык. Человек. Картина мира» (Омск, 2000), «Традиции славяно-русской культуры в Сибири» (Тюмень, 2003), «Языковая концепция регионального существования человека и этноса» (Барнаул, 2004), «Редакторские чтения» (Омск, 2004). Сделано около 20 докладов на конференциях регионального уровня: «Актуальные проблемы филологии» (Омск, 1994), «Духовная культура и история русского народа» (Омск, 1995), «Гуманитарное знание и образование: традиции и современность» (Омск, 1996), «Духовные ценности народа» (Омск, 1998), «Языковая концепция регионального существования человека и этноса» (Барнаул, 1999), «Информатика и лингвистика» (Омск, 2003) – и межвузовских научных семинарах г. Омска. По теме диссертации опубликованы 2 монографии общим объемом 20,1 п.л., учебное пособие для студентов педагогических вузов объемом 4, 75 п.л., а также 38 статей и тезисов общим объемом 16 п.л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, библиографии, которая содержит 477 наименований, списка опубликованных источников эмпирического материала и приложения, содержащего описание психолингвистического ассоциативного анкетирования.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** раскрывается актуальность исследования, формулируются его цель и задачи, характеризуется методологический подход к изучению языкового образа-концепта «*homo sapiens*», рассматриваются научная новизна, теоретическое и практическое значение диссертации.

В первой главе «**Теоретические основы исследования языкового образа-концепта «*homo sapiens*» как объекта антропоцентристской семантики**» обсуждаются теоретико-методологические основания диссертации.

Первая часть данной главы посвящена проблеме языковой концептуализации действительности, ее характерным чертам, семантическим единицам, структурам, правилам, репрезентирующим результаты познавательно-интерпретирующей активности человеческого сознания.

Концептуализация действительности – это осмысление человеком поступающей информации о мире, мысленное конструирование предметов и явлений действительности, которое приводит к образованию определенных представлений о мире в виде фиксированных в сознании человека смыслов – концептов. Познавая окружающий мир, человек формирует общие понятия, которые объединяются в систему знаний о мире, именуемую *концептуальной картиной мира*. Основная часть этих знаний закрепляется в языке значениями конкретных языковых единиц, т. е. одновременно с мыслительной осуществляется *языковая концептуализация* действительности, результаты которой в своей совокупности называют *языковой картиной мира*.

ЯКМ – это запечатленные в языке процессы и результаты концептуализации действительности как проявление творческой мыслительной и языковой/речевой активности человека, характеризующиеся количественной и качественной нетождественностью с процессами и результатами научной концептуализации мира в сознании человека. Основными чертами языковой концептуализации действительности являются ее несовпадение с научным знанием о мире, противоречивость и неполнота отражения действительности, множественность авторских ЯКМ, сочетание общечеловеческого, национально-специфического и личного начал в интерпретации мира.

Концептуализация действительности как процесс осмысления в

сознании и отображения в языке окружающего мира включает в себя *категоризацию* – процесс упорядочивания осмысленного, его распределения по смысловым «ячейкам». ЯКМ и ее отдельные фрагменты характеризуются рядом категорий – интегрирующих ментально-языковых сущностей, получивших в лингвистике название *семантических категорий*. Семантические категории определяются как *обобщающие по отношению ко всему множеству языковых/речевых репрезентаций системные воплощения когнитивных категорий*.

В современных лингвоантропологических исследованиях языковых репрезентаций человека описаны такие семантические категории, как «часть-целое», «оценка», стереотип» (работы М.П. Одинцовой, И.Г. Дьячковой, В.П. Завальникова, О.В. Коротун, Н.А. Седовой, Н.Д.Федяевой и др.). Наличие данных характерных для языкового отображения разных ипостасей человека семантических категорий позволяет говорить о соответствующих *категориальных семантических чертах (обусловленных направлением категоризации семантических признаков)* языкового образа человека: паритивности, оценочности, стереотипизации.

Паритивность – это характерная для языкового отображения человека категориальная семантическая черта, представленная абстрактной оппозицией «часть-целое», в основе которой лежит мыслительный процесс разделения целого на части и соединения частей в целое. *Оценочность* – это характерная для отображения в языке человека категориальная семантическая черта, представленная семантической категорией оценки и ее подкатегориями (положительная, отрицательная, нейтральная), в основе которой лежит мыслительный процесс установления ценности объекта. *Стереотипизация* – это характерная для отображения человека в языке категориальная семантическая черта, представленная семантико-функциональным значением «стереотип», в основе которого лежит, с одной стороны, мыслительный процесс создания устойчивого представления об объекте (собственно стереотипа), с другой – мыслительный процесс соотнесения конкретного объекта с традиционными устойчивыми представлениями о нем. Названные категориальные семантические черты универсальны, но имеют различное конкретное воплощение применительно к языковым репрезентациям человека в разных его ипостасях, в том числе в интеллектуальной. В демонстрации того, какую конкретную реализацию они получают применительно к отображению в языке *homo sapiens*, мы видим одну из своих исследовательских задач.

Будучи ментально-языковой сущностью, объект нашего исследования соотносится с такими пересекающимися и дополняющими друг друга понятиями, как *концепт* и *языковой образ*. Имеющиеся в лингвистике различные подходы к пониманию концепта, среди которых выделяются когнитивный (Р. Дженкендорф, Дж. Лакофф, Ч. Филлмор, Р. Павиленис, Е.С.

Кубрякова и др.), психологический (А.А. Леонтьев, А.А. Залевская и др.), культурологический (Н.Д. Арутюнова, В.В. Колесов, Ю.С. Степанов и др.), а также различные подходы, представляющие синкретичные взгляды на концепт (А. Вежбицкая, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.), взгляды на концепт как на бинарную структуру, включающую в себя означаемое и означающее (Н.А. Кузьмина, Г.А. Волохина, З.Д. Попова), и соответственно его различные трактовки, обусловленные специфическими исследовательскими задачами, позволяют тем не менее сформулировать определение концепта, отражающее общие положения: *концепт – это коллективно- и индивидуально-психологически и национально-культурно детерминированная смысловая универсалия (сгусток смысла) в сознании человека, репрезентируемая языковыми и речевыми значениями. Языковой образ в антропоцентристской семантике определяется в гносеологическом смысле: это отображение в языке знаний и представлений человека об окружающем мире.* Выбор для обозначения объекта изучения термина *языковой образ-концепт* мотивируется тем, что антропоцентристская семантика обращена не только к проблеме отражательных возможностей языка, но и вовлечена в глобальную проблему ментальности – мирозерцания в категориях и формах языка; в избранном термине зафиксированы характерные для антропоцентристской семантики признание первенства «языковой части» концепта и опора на его «неязыковую часть» (ментально-психологические, культурологические составляющие). *Языковой образ-концепт – это отображенная в языке культурно и психологически детерминированная ментальная сущность.*

Средствами языковых/речевых репрезентаций образа-концепта в ЯКМ являются *слово, высказывание, текст, дискурс*, находящиеся в иерархической онтологической связи друг с другом. Антропоцентристская семантика ориентирована на весь комплекс смыслов, обретаемых словом в процессе его функционирования, поскольку семантика слова вне контекстного окружения и семантика слова в структуре языковых/речевых единиц более высокого уровня (предложения/высказывания или текста) не одинаковы (Э. Бенвенист). Принимая за основу концепцию соотношения языка и речи как диалектически взаимосвязанных состояний одного объекта – языковой действительности (Л.В. Щерба, Т.П. Ломтев, А.А. Леонтьев, Ю.В. Фоменко и др.) и определяя высказывание по отношению к понятию «предложение» как лингвистическую единицу на уровне речи (И.И. Ковтунова, Ю.В. Фоменко), отмечаем, что конечный (актуальный) смысл высказывания формируется комплексно: на конструктивно-синтаксическом, коммуникативно-синтаксическом, семантическом, прагматическом уровнях. Высказывание на доречевом уровне именуется в диссертации *структурно-семантической моделью (ССМ)* и определяется как *обобщающее схематизированное построение высказывания, в котором одновременно находят отражение особенности его структуры*

(грамматической формы) и значения, которое эксплицируется в высказывании этой структурой (Ф. Данеш, К. Гаузенблас, В.А. Белошапкова, О.И. Москальская); при этом отмечается, что семантика синтаксической структуры «создается взаимным действием семантики структурной схемы и лексическим значением заполняющих ее слов» (Н.Ю. Шведова). Включение семантики языковых единиц в ситуацию конкретного социально-психологического взаимодействия людей, в контекст социального и культурного творчества происходит в тексте, где значимые единицы языковой системы приобретают смыслы, которые порождаются замыслом субъекта речи/мысли и «прочитываются» при восприятии текста как цельного речевого произведения. Текст рассматривается нами как дискурс – эпизод реальной коммуникации, в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст вне дискурса (например, пословица) рассматривается с точки зрения его потенциального «выхода в речь».

Во второй части первой главы обсуждаются вопросы, связанные с ролью человеческого фактора в языке.

Исследование особенностей языковой концептуализации действительности предполагает погружение в проблему взаимосвязи человека, языка и культуры. Отмечается, что бесспорной вершиной треугольника «Человек – Язык – Культура» является человек: все существующие определения языка и культуры естественным образом тяготеют к «человеческому фактору».

В языке отражены процесс и результаты познания человеком себя и себе подобных, данные человеком себе и другим характеристики и оценки. Образ человека в языке – это абсолютно все, что человек может сказать о себе и других людях в разных ситуациях и сферах: в обыденных условиях, в науке, религии, искусстве. Репрезентированные тем или иным языком сведения о человеке имеют национально-культурную окраску: для представителей разных культурных сообществ характерен определенный взгляд на человека и его проявления, который отражается в первую очередь в демонстрирующих стереотипные представления носителей языка языковых единицах и конструкциях (фразеологизмах, пословицах, поговорках, устойчивых сравнениях, типичных оценках). В соответствии с этим лингвокультурологическая интерпретация исследуемых антропоцентристской семантикой языковых образов-концептов имеет принципиальное значение.

Роль человеческого фактора в языке определяется теми субъектными ипостасями человека, которые формируют строй языка и речи. Среди них выделяются интеллектуальная, коммуникативная, национально-культурная, характерологическая, аксиологическая. Однако человек по отношению к языку выступает не только как субъект (творец, пользователь), но и как объект (предмет, о котором говорят). В этом случае человек является одной

из многочисленных отображенных в языке ментальных сущностей, или одним из языковых образов-концептов. Языковой образ-концепт «человек» как целостная ипостась допускает разделение на частные ипостаси (например, «внешний человек», «внутренний человек», «чувствующий человек», «*homo sapiens*», «средний человек», «идеальный человек» и т. д.), которые являются объектами изучения антропоцентристской семантики (работы М.П. Одинцовой, Е.В. Гейко, В.П. Завальникова, О.В. Коротун, Е.В. Коськиной, Л.Б. Никитиной, Н.В. Орловой, Н.Д. Федяевой и др.).

В лингвоантропологических исследованиях языковой образ-концепт «человек» описывается с разной степенью полноты и расчлененности: от одноаспектного (Ю.Н. Караулов), двухаспектного (дихотомического) (Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев, Ю.С. Степанов, М.В. Пименова, Е.В. Урысон) до многоаспектного и, далее, предельно широкого (глобального) понимания человека и его частей (Ю.Д. Апресян, Н.Д. Арутюнова, Ш. Балли, М.А. Журиная, Г.А. Золотова, М.П. Одинцова, Н.А. Седова, А.А. Уфимцева). Придерживаясь предельно широкого толкования языкового образа-концепта «человек» (М.П. Одинцова), отмечаем, что человек в языке – это своеобразный микрокосм, по сложности своего «устройства» соизмеримый с макрокосмом – Вселенной, всем окружающим и включающим человека универсумом.

Таким образом, языковой образ-концепт «человек» – это продукт творческой языковой/речевой деятельности, языкового/речевого самовыражения человека (говорящего) как субъекта мыслящего, чувствующего, оценивающего других или самого себя в рамках традиций, стереотипов и правил, действующих в национально-культурном сообществе, которому он принадлежит как субъект речи-мысли, как творец этого образа-концепта человека-объекта.

Опираясь на этносоциологические, этнокультурологические, философские, лингвоантропологические, лингвокультурологические исследования (П.А. Сорокин, Н.А. Бердяев, П.Б. Струве, Г.П. Федотов, А.Ф. Лосев, А. Вежицкая, Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.В. Колесов, М.П. Одинцова, М.В. Пименова и др.), а также на результаты проведенного психолингвистического ассоциативного анкетирования, отмечаем, что человек в русской ЯКМ – это средоточие двух противоположных, но взаимосвязанных, способных влиять друг на друга сторон: внешней и внутренней. В русской религиозной и философской мысли, фольклоре, художественной литературе находим свидетельства того, что в целостном человеке как единстве внешнего и внутреннего, души и тела приоритетная роль отводится внутреннему содержанию – душе. Во внутренней иерархии человека есть сила, которая призвана управлять не только душой в целом и отдельными ее атрибутами, но и телом, – это ум (разум). За умом и душой как принадлежностью внутреннего человека закрепляется статус более

высокой ценности, чем внешняя оболочка человека, тело. В то же время ум и душа в русской этнической модели человека противопоставляются не только телу, но и друг другу: они предстают как два противоположных начала внутреннего человека: рационального и нерационального (нравственного, эмоционального), которые могут находиться в состоянии гармонии и дисгармонии.

В русском менталитете и русской ЯКМ человек предстает как существо поляризованное. Представления о человеке как о сгустке противоречий во многом предопределены особенностями национального характера представителей русской культуры. В этнопсихологическом портрете русского человека, созданном социологами, культурологами, философами и построенном по данным русского языка, а также по результатам проведенного анкетирования, прослеживается неоднозначность русского характера, сосуществование противоположностей, антиномий.

Констатация ключевого, центрального статуса интеллектуальной стороны человека в ментальности и ЯКМ русского народа и отдельных носителей русского языка (о чем свидетельствуют различные определения человека: энциклопедические, словарные, лингвоантропологические, обыденные) позволяет утверждать, что все обусловленные национально-культурными традициями знания, мнения, представления о человеке, отображенные в национальном языке, обязательно соотносятся с образом-концептом «человек в его интеллектуальной ипостаси» («homo sapiens»). Предполагая, что образ-концепт «homo sapiens» в русской ЯКМ может быть определен широко: *как вся совокупность объективированных языком представлений о человеке, которые соотносятся носителями языка с интеллектуальным началом*, выдвигаем и аргументируем гипотезу о предельно широком содержании образа-концепта «человек разумный» в русской ЯКМ.

Вторая глава **«Партиитивность как категориальная семантическая черта образа-концепта «homo sapiens» в русской языковой картине мира: образы целостного и частичного человека разумного»** посвящена описанию лексико-семантических и семантико-синтаксических особенностей отображения в русской ЯКМ целостного и частичного homo sapiens.

Лексико-семантическое ядро языкового образа-концепта «homo sapiens» составляют наименования целостного человека разумного, в которых наличествует прямое оценочное значение интеллекта (*умница, разумник, дурак, идиот, балбес* и др.). К ним примыкают переносные оценочные и неоценочные (в зависимости от речевого и ситуативного контекста) наименования целостного homo sapiens, основанные на ассоциациях по смежности (*ум, голова, мозг*). Приближены к ядру наименования целостного

человека, в которых сочетается дескриптивное и оценочное значение интеллекта: наименования человека по психическим заболеваниям, влекущим интеллектуальные отклонения (*шизофреник, дегенерат, дебил* и др.); наименования человека как обладателя высшей степени интеллектуальной одаренности (*талант, гений*); наименования человека по интеллектуальной деятельности, профессии, званию (*интеллектуал, ученый, академик* и др.); наименования персонажей литературных и фольклорных произведений, реальных лиц, известных национально-культурному сообществу своими интеллектуальными особенностями (прецедентные имена) (*Митрофанушка, Иванушка-дурачок, Лобачевский* и др.). Следующими по степени удаленности от лексико-семантического ядра образа-концепта «*homo sapiens*» являются переносные оценочные наименования целостного человека разумного, основанные на его сходстве с животными и птицами (зоосемизмы) (*осел, баран, курица* и др.) и с неодушевленными предметами (*пень, лопух, пешка* и др.).

Лексико-семантическую периферию языкового образа-концепта «*homo sapiens*» составляют наименования целостного человека, указывающие на его половую, возрастную, национальную, социальную, профессиональную принадлежность, наименования, содержащие физиологические, этические, эстетические и иные характеристики, – т. е. все наименования целостного человека, в том числе и обозначающие целостного человека имена собственные. Среди этих периферийных имен выделяются те, которые под влиянием стереотипных представлений могут ассоциироваться с оценкой интеллекта (*женщина, ребенок, чукча* и др.). Включение всего множества имен, обозначающих целостного человека, в лексико-семантический ареал *homo sapiens* обусловлено наличием в их значении семы «интеллект».

Выделены следующие части человека, осмысляемые в связи с его интеллектуальной ипостасью: 1) части-способности человека, непосредственно связанные с его интеллектуальной природой (они обозначаются в русском языке лексемами *мышление, мысль, ум, интеллект, разум, рассудок, сознание* и трактуются через родовое понятие «способность»); 2) части человека, которые мыслятся как его анатомические составляющие, отвечающие за интеллект (они обозначаются словами *голова, ум, мозг (мозги), извилины* и характеризуются с точки зрения их анатомической реальности/нереальности: голова – реальная часть тела человека; мозг (мозги) – реальный орган; извилины – форма, свойственная реальному органу – мозгу; ум – воображаемый орган); 3) части человека, опосредованно связанные с интеллектом (они обозначаются словами и пропозитивными выражениями, указывающими на действия, качества, состояния человека, продукты человеческой деятельности, внешние и внутренние атрибуты человека, которые носители языка соотносят с интеллектуальной деятельностью: например, *поступок, чувство, речь,*

желание, замысел, книга, костюм, глаза, семья, работа). Иными словами, части *homo sapiens* в русской ЯКМ – это все те атрибуты, без которых человек не может восприниматься как разумное существо (интеллектуальные способности, интеллектуальные органы и квазиорганы) и которые могут быть соотнесены с его интеллектуальной способностью и охарактеризованы в связи с ней (в принципе все многообразие предметов и явлений, с которыми связан человек). При этом наименования частей-способностей человека, непосредственно связанных с его интеллектуальной природой, и наименования, обозначающие части человека, которые мыслятся как анатомические составляющие, отвечающие за интеллект, входят в лексико-семантическое ядро языкового образа-концепта «*homo sapiens*», а наименования частей человека, опосредованно связанных с интеллектуальным началом (оцениваемых через призму интеллекта: например, *умные глаза, глупая жизнь, бестолковый поступок*), составляют его периферию.

Целостный и частичный *homo sapiens* в русской ЯКМ имеет схожие по форме и содержанию характеристики: он характеризуется через определение признака (качества), присвоение характеризующего имени, описание действий, поступков, состояний, указание на обладание качествами, атрибутами, признаками (базовые ССМ *Х какой/каков, Х есть кто/что, Х что делает, Х что делает как, У(В) Х есть нечто*, между которыми устанавливаются отношения семантико-синтаксической деривации). В высказываниях, построенных по ССМ характеристики, целостный *homo sapiens* предстает как носитель постоянных, не зависящих от времени характеристик по интеллекту (ССМ *Х какой/каков, Х есть кто/что*), как производитель действий интеллектуального свойства или действий, которые допускают их характеристику через призму интеллекта (ССМ *Х что делает, Х что делает как*), как обладатель частей, имеющих непосредственную связь с интеллектуальным началом (ССМ *У Х есть нечто*), как вместилище, в пространство которого вовлечены различные осмысляемые как части *homo sapiens* объекты (ССМ *В Х есть нечто*). Части *homo sapiens* также обретают постоянные или временные характеристики, отражающие их качества, действия, состояния; они, как и целостный человек разумный, выступают в роли обладателя или вместилища.

Базовые ССМ характеристики в разных реализациях (в зависимости от того, характеризуется целостный *homo sapiens* или его часть; связана эта часть с интеллектуальным началом непосредственно или опосредованно; задействована ССМ характеристики в монопропозитивной или полипропозитивной структуре; наконец, в зависимости от коммуникативных условий, в которых функционирует построенное по той или иной ССМ высказывание) проявляют свой семантический потенциал по-разному: характеризующие смыслы могут выходить на первый план, сочетаться с

идентифицирующими, экзистенциональными или же сопутствовать им. Ср.: *Человек глупый; Советы глупые; У него есть ум; В голове есть мозги.* – *От глупого человека быстро устаешь; Он насмешил своими глупыми советами; Ум у него есть; Мозги у него в голове имеются.* При этом построенные по разным ССМ характеристики и реализуемые в разных коммуникативных условиях высказывания о целостном или частичном человеке разумном не только не теряют своего характеризующего значения, но и демонстрируют его сопряжение с оценочным значением. Совмещение характеристики homo sapiens и его оценки имеет как экстралингвистическую, так и лингвистическую обусловленность: человек в его интеллектуальной ипостаси представляет собой величайшую ценность, которая не может не порождать разнообразных суждений – оценок; в русском языке эти суждения конституируются предикатами ИС с оценочным значением, а также строятся с участием припредикатных определителей и имен бытующих предметов ИС.

В роли предикатов оценочных высказываний о целостном или частичном homo sapiens, построенных по ССМ *Х какой/каков, Х есть кто/что, Х что делает*, выступают имена прилагательные, имена существительные, глаголы и соответствующие им по своей функции словосочетания и фразеологизмы с семой «интеллект», имеющие оценочное значение или проявляющие это значение в контексте высказывания: *Такой солидный и, между нами сказать, ограниченный человек* (И.С. Тургенев); *Все говорили о нем как о человеке с нестандартным мышлением* (А. Калинина); *Разлимонился, рассиропился, раскис, стою на коленях, как дурак, и предлагаю руку* (А.П. Чехов); *Твой поступок – очередная глупость* (из разг.); *Вы все знаете и понимаете, до всего умом доходите, я же путем слова сказать не умею* (А.П. Чехов); *Чувствую: голова отупела* (из разг.). В высказываниях, построенных по ССМ *Х что делает как*, оценка целостного или частичного homo sapiens осуществляется при помощи оценочных припредикатных определителей, в роли которых выступают наречия или соответствующие им по своей функции связанные сочетания слов с семой «интеллект»: *Тихон даже спал умно, прижав ухо к подушке, к земле, как будто прослушивая что-то* (М. Горький); *Все эти уговоры звучат так глупо!* (из разг.). Высказывания, построенные по бытийной модели, могут вообще не содержать оценочной лексики; оценочное значение в них формируют сочетания бытийных глаголов с именами существительными ИС, обозначающими бытующие предметы: *У человека есть ум; В голове нет мозгов.* В предикатах, припредикатных определителях, именах бытующих предметов оценочных высказываний о человеке разумном может отсутствовать сема «интеллект» при условии наличия этой семы в наименовании объекта характеристики: *Талант непревзойденный; Тупость непроходимая; Дурак все делает неправильно; В голове пустота.*

Задействованные в оценочных высказываниях о *homo sapiens* лексемы разных частей речи и соответствующие им по своей функции связанные сочетания слов, объединенные общей семой «интеллект», образуют семантическое поле, характеризующееся синонимическими, антонимическими, эпидигматическими связями между его компонентами. Так, лексемы ИС, конституирующие базовые ССМ характеристики целостного и частичного *homo sapiens*, образуют лексические поля парадигматического типа, каждое из которых представлено двумя группировками, члены которых связаны общим смыслом – инвариантным значением-идентификатором: первая группировка объединяется вокруг ядерного значения «умный» (*умный, мудрый, смысленный* и т. д.), вторая – вокруг ядерного значения «глупый» (*глупый, бестолковый, идиотский* и т. д.). Данные антонимичные объединения слов соответствуют двум полюсам оценки: положительному и отрицательному. Семантические классы лексем разных частей речи и эквивалентные им по своей функции фразеологизмы, связанные общим смыслом и знаком оценки, образуют межчастеречные синонимические группы, или парасеманты, совпадающие по понятийным компонентам значения, но различающиеся по его экспрессивным и эмоциональным компонентам. В свою очередь данные семантические классы лексем входят в более сложную семантическую парадигму – антонимические группы, противопоставленные друг другу по противоположным компонентам значений (например: *сообразительный, профессор, талант, кумекать, с толком, семи пядей во лбу – тупой, лопух, бессмыслица, ополоуметь, неразумно, без царя в голове*). Синонимические ряды, антонимически противопоставленные, составляют оппозиционное единство, связанное общей семой «интеллект».

Вокруг базовых значений «умный» и «глупый» группируются лексемы, которые благодаря своим словообразовательным возможностям придают оценке дополнительные смысловые оттенки усиления или ослабления признака (например: *умный – умненький, умнейший; глупый, глупенький, глуповатый, глупышка, глупейший; дурак – дурачок, дурашка, придурок, дурачина, дурачище*); внутри одного словообразовательного гнезда выделяются дериваты с прямо противоположными оценочными значениями (например: *головастый – безголовый, умный – безумный; мозговитый – безмозглый*); однокоренные лексемы, обозначающие «интеллектуальные части» человека, обнаруживают оценочно-градационные смыслы (например: *ум, умок, умишко, умище; голова, головенка,ловища*). Отмечается развитие в словообразовательных гнездах с ядерным значением «умный» энантиосемии (например, лексемы *умник, разумник, умствовать* реализуются в современной речи по преимуществу в ситуациях отрицательной оценки *homo sapiens*).

Наличие синонимических, антонимических, эпидигматических связей

между компонентами семантического поля «интеллект», способствующее укреплению его границ, не препятствует его функциональной подвижности и открытости для вхождения в соответствующее семантическое пространство лексем, обозначающих целостного человека в различных его ипостасях, интерпретируемых через призму интеллекта, лексем, обозначающих объекты, осмысленные носителями языка как части *homo sapiens*, а также многочисленных лексем, которые получают свое «интеллектуальное звучание» в контексте высказывания. С функциональной точки зрения семантическое поле «интеллект» представляет собой не просто незамкнутое, а притягивающее, вбирающее пространство. Данное свойство семантического поля «интеллект» особенно наглядно иллюстрируется примерами того, как представлены в русской ЯКМ те части *homo sapiens*, которые мыслятся как его неотъемлемые (анатомические) атрибуты, отвечающие за интеллект.

Сложный и загадочный внутренний мир *homo sapiens* обретает в русском языке не только свое лексико-семантическое пространство, но и свою грамматику. «Интеллектуальные части» человека *голова, мозг (мозги), извилины* регулярно сравниваются с конкретными предметами внешнего мира и соответственно получают новые наименования. Например: *голова* – *кочан, тыква, огурец, мяч, шар* (сравнение по форме); *каланча, вышка, голубятня, чердак, фонарь* (сравнение по месту расположения – вверх); *чурка, баклан, чурбан, обрубок, кочка* (сравнение по качественному сходству); *короб, ящик, череп* (сравнение по пространственным характеристикам, основанным на смежности); *кастрюля, котелок, котел, погремушка* (сравнение по сходству «рабочих» характеристик).

«Интеллектуальные части» человека имеют в русском языке свою систему определений. Выделяются определения, в которых содержатся количественные характеристики (например: *большой ум, узкая голова, короткие извилины*), и определения, содержащие качественные характеристики (например: *светлые мозги, слабый ум, темная голова*). Среди качественных определений особое место занимают определения-олицетворения (например: *веселый ум, глупая голова, хитрые мозги*).

«Интеллектуальные части» человека осмысливаются как производители действий и носители состояний, свойственных целостному человеку, и соответственно имеют систему глагольных характеристик, в которых задействованы глаголы интеллектуальных действий с прямым и переносным значением (например: *мозги соображают, голова думает, извилины работают, голова варит*); глаголы движения (например: *Из мрака вышел разум мудреца...* (А. Блок); *Ум сяжком под небеса уходит* (посл.); *Шарики за ролики заходят* (из разг.); глаголы, указывающие на состояния и изменения состояний (например: *голова изнемогает, разум глупеет, мозги томятся*); глаголы речи (например: *разум говорит, ум зовет, сознание шепчет*).

Олицетворение «интеллектуальных частей» закономерно влечет за собой возможность приписывания им самых разных действий и состояний человека: кроме уже отмеченных, это действия нравственно-этического порядка, действия-поступки, зрительные, слуховые, осязательные действия. Например: *Видел я, / как возвращается разум, / Связанный, / Сначала держался развязно, – Брызгал слюною, косил глазом, / Но затем поник и пролепетал бессвязно: / – Я связан* (Л. Мартынов).

«Интеллектуальные части» человека, как и целостный человек, регулярно сравниваются с вместилищем: в верхней части человека-пространства – голове находятся ум, мозги, в мозгах – извилины. Интеллектуальное содержимое человека-вместилища измеряется количественно (например: *в голове много/мало ума, мозгов, извилин*); в то же время допускается предположение о пустом пространстве, незаполненном вместилище (например: *в голове нет ума, мозгов, извилин*).

Таким образом, внутренняя жизнь человека предстает в русской ЯКМ столь же динамичной, изменчивой, открытой для описания и разнообразных характеристик, как жизнь внешняя, данная в непосредственных ощущениях. «Интеллектуальные части» внутреннего человека в результате сравнений с целостным человеком либо олицетворяются, либо ставятся в один ряд с другими объектами внешнего мира, связанными с человеком, управляемыми человеком, подчиненными человеку, и характеризуются по их образу и подобию. Следовательно, применительно к языковому образу-концепту «*homo sapiens*» можно говорить о двух ипостасях: о внутреннем *homo sapiens* и о внешнем *homo sapiens*. Внешний *homo sapiens* метонимически, образно продолжает внутреннего *homo sapiens*.

Третья глава диссертации **«Оценочность как категориальная семантическая черта образа-концепта «*homo sapiens*» в русской языковой картине мира»** открывается характеристикой компонентов логической структуры оценки *homo sapiens*. Отмечается, что экспликация оценки человека разумного осуществляется с помощью базовых ССМ характеристики, конституируемых предикатами ИС с оценочным значением, а также включающих припредикатные определители и имена бытующих предметов соответствующей семантики. Наличие оценочного значения в высказываниях, построенных по ССМ характеристики, позволяет называть эти модели типичными для русского языка оценочными ССМ.

Принимая во внимание различные классификации оценочных значений, отмечаем, что прямая оценка *homo sapiens* может быть положительной, отрицательной или нейтральной (*Мальчик умный; Человек глупый; Студент нормальный*); абсолютной или сравнительной (*Петр умный. – Петр умнее Павла*); эмоциональной (отличающейся спонтанностью) или интеллектуальной (являющейся результатом длительного мыслительного

процесса) (например, оценочное высказывание *Дурак* может быть сиюминутной эмоциональной реакцией говорящего на проявления адресата или умозаключением, сделанным в результате продолжительных наблюдений за его действиями и поступками); прямая оценка *homo sapiens* может быть выражена как общая или частная (ср.: *Девушка хорошая; Хороший доклад. – Девушка умная; Умный доклад*).

Учитывая разные лингвистические интерпретации косвенности, применительно к изучаемому материалу отмечаем, что косвенная оценка *homo sapiens* определяется общим интенциональным фоном высказывания (ситуацией, когда говорящий, по Дж. Серлю, «имеет в виду и прямое значение высказываемого и, кроме того, нечто большее»); основным показателем косвенности оценки *homo sapiens* считаем несоответствие между значением знакового выражения (высказывания) и тем оценочным смыслом, который может быть извлечен адресатом из эксплицитного содержания высказывания «в результате его взаимодействия со знаниями получателя текста, в том числе с информацией, черпаемой этим получателем из контекста и ситуации общения» (М.Ю. Федосюк).

Экспликация и импликация оценки *homo sapiens* связана со способом выражения ее объекта: из прямой оценки целостного *homo sapiens* при определенных коммуникативных условиях можно извлечь информацию об оценке частичного *homo sapiens* (например: *умный человек – грамотный, образованный, поступает умно, отличается правильной речью*); из прямой оценки частичного *homo sapiens* – информацию об оценке человека в целом (например: *умная речь, обдуманные поступки, умные глаза – умный человек*). Хотя прямая или косвенная оценка целостного *homo sapiens* не равнозначна соответствующей оценке частичного *homo sapiens*, и наоборот, можно говорить о ситуативно обусловленной способности адресата извлечь из прямого или косвенного оценочного высказывания о *homo sapiens* «значительно больше информации, чем содержится в нем как в языковом образовании» (К.А. Долинин).

Особенно ярко эта тенденция проявляется при трактовке целостного *homo sapiens* в его двух противоположных оценочных ипостасях: умный и глупый. Реконструированные на основе анализа прецедентных высказываний, речевых произведений разных стилей и жанров, результатов проведенного анкетирования понятия «умный человек» и «глупый человек» вмещают в себя целый комплекс разнообразных характеристик человека не только интеллектуального свойства, но и нравственно-этического, физического. Например, обобщенные образы-портреты умного и глупого человека, построенные на основе экспериментальных данных, выглядят так: *умный человек* – это человек, обладающий умом (интеллектом), образованный, имеющий знания, эрудицию, опыт; находящийся в постоянном развитии, совершенствующий данные ему способности; отличающийся

наблюдательностью, проницательностью, интеллектуальной смекалкой; способный предугадывать результат своей деятельности и соотносить ее с нормами и правилами, выработанными в обществе; не отступающий от принятых норм и правил; с хорошо развитой речью; умеющий контактировать с людьми, убеждать их силой слова; придерживающийся высоких нравственно-этических принципов; привлекающий к себе внимание, вызывающий интерес окружающих; авторитетный, способный повести за собой; внешне притягательный, со вкусом одетый; *глупый человек* – это человек с ограниченными умственными способностями, необразованный, имеющий скудные знания либо вовсе лишенный знаний; не ориентирующийся в различных жизненных ситуациях, не стремящийся изменить себя, пассивный; неинтересный для окружающих; с неразвитой речью; человек, поступки и действия которого нелогичны, необдуманны и вызывают неприятие окружающих; человек с высокой самооценкой, не прислушивающийся к чужому мнению и склонный видеть причину собственных неудач в действиях и поступках других людей; человек с искаженными представлениями о морали, не придерживающийся норм и правил поведения; вызывающий неприятие и жалость окружающих одновременно; внешне непривлекательный, раздражающий отсутствием вкуса.

Расширительное толкование умного и глупого *homo sapiens* свидетельствует о том, что интеллектуальная ипостась человека осмысливается носителями языка как главенствующая, экзистенциально самая важная и не ограниченная рамками ИС. В наибольшей степени положительная или отрицательная оценка *homo sapiens* соотносится с образованностью человека и в наименьшей – с внешними данными, и на этом фоне отмечается разнообразие морально-нравственных проявлений человека, которые дают основание судить о его уме или глупости.

В отличие от представленных идеализированных оценок умного и глупого человека, оценка конкретного *homo sapiens* далеко не всегда столь однозначна: на шкале оценки *homo sapiens* обнаруживается большое количество конкретных частных смыслов, которые порождаются в результате разнообразных контаминаций оценки интеллекта и оценок иных сторон человека, осмысляемых носителями языка через соотнесение с интеллектуальным началом или через противопоставление ему: *Психологический курьез – моя мать. Бесспорно талантлива, умна, способна рыдать над книжкой, охватит тебе всего Некрасова наизусть, за большими ухаживает, как ангел, но попробуй похвалить при ней Дузе. Ого-го! Нужно хвалить только ее одну... Затем она суеверна... Она скупа* (А.П. Чехов); *Она вышла замуж восемнадцати лет, когда он казался ей самым умным человеком. А теперь не то. Он самый добрый, но не самый умный* (А.П. Чехов); – *За что?* – *удивленно спросил брат. – Мужик честный, аккуратный, не ленивый...* – *Дурак, – добавил Петр* (М. Горький); Кроме

того, противоположные оценки «умный» и «глупый» могут нивелироваться и представлять в трудно определяемом понятии «средний homo sapiens», языковое выражение которого тяготеет к отрицательной оценке (*Он средний. = Он так себе, ничего особенного*; ср: *Он нормальный. = 1) умный, такой, каким должен быть homo sapiens; 2) ничем не выделяющийся из общей массы*). Иными словами, в русском языковом сознании идеализация умного человека сочетается с тенденцией к различению понятий «умный» и «идеальный», а бинарная смысловая оппозиция «умный – глупый» демонстрирует подвижность, что выражается в наличии промежуточных (пересекающихся) смысловых зон (*идеальный – умный – нормальный; умный – нормальный – средний; нормальный – средний – глупый*) и свидетельствует о градуированности языковых репрезентаций homo sapiens в русской ЯКМ.

Дихотомия «умный – глупый», согласно которой оценивается целостный homo sapiens, отражается в характеристиках, которые дают носители русского языка частям человека разумного. Так, с оценкой целостного homo sapiens соотносятся измерительные характеристики ума-способности как части человека (*много ума, сильный ум, глубокий ум – умный человек; мало ума, слабый ум, короткий ум – глупый человек*); характеристики степени его активности (ср.: *ум активный, подвижный, цепкий – ум пассивный, неподвижный, ленивый*); ум-способность оценивается путем олицетворения и приобретения характеристик целостного человека (*жадный ум, смелый ум, робкий ум*). Оценка ума-способности определяется участием в его «судьбе» целостного человека – обладателя и распорядителя своей неотъемлемой части (ср.: *Он не развил свой ум; Он живет своим умом; Он забил свою голову всякой ерундой. – У него неразвитый ум; У него своя голова на плечах; У него голова зашлакованная*).

По оценочной шкале «умный человек – глупый человек» дифференцируются качества, действия, состояния анатомических частей человека, ответственных за интеллект (например, по данным проведенного анкетирования, у умного человека *голова умная, большая, светлая, мозги сильные, быстрые, активные, извилины длинные, глубокие, напряженные*; у глупого – *голова глупая, маленькая, темная, мозги маленькие, недоразвитые, спящие, извилины короткие, прямые, застывшие*). Связь оценки целостного homo sapiens и оценки его «интеллектуальных частей» проявляется в первую очередь в таких характеристиках последних, как место расположения, размер, степень активности (у умного человека «интеллектуальные части» находятся на своем месте, имеют достаточные или большие размеры, присутствуют в большом количестве, проявляют активность; у глупого – меняют место расположения, имеют недостаточные размеры, присутствуют в малом количестве, демонстрируют пассивность). При этом изменение места расположения «интеллектуальных частей» (их подвижность) могут становиться критерием как положительной, так и отрицательной оценки

homo sapiens (ср.: *ум парит, вырывается на простор* – *ум покинул своего хозяина; ум не в голове, а в другом месте*), что говорит о наличии пересекающихся оценочных зон, осмысление которых осуществляется при участии контекста. В языковом образе-концепте «homo sapiens» фиксируется такая аномалия, как отсутствие у целостного человека «интеллектуальных частей» (*у человека нет головы; в голове нет мозгов; в мозгах нет извилин*), что является показателем отрицательной оценки человека разумного.

Анализ оценочной лексики ИС показал, что образ-концепт «homo sapiens» характеризуется асимметричностью полюсов положительной и отрицательной оценки. Отмечается количественное превосходство и семантическое разнообразие отрицательно-оценочной лексики ИС и ее пополнение за счет развития энантиосемии, активных процессов обретения предикатами ИС отрицательно-оценочных смыслов под влиянием ситуативных факторов. Качественная сторона оценки человека разумного сочетается с ее интенсификацией/деинтенсификацией. Для образа-концепта «homo sapiens» характерно разнообразие языковых средств выражения степени интенсивности оценки: лексических (ср.: *умный* – *мудрый* – *талантливый* – *гениальный*), синтаксических (ср.: *Он поступает глупо.* – *Он глупый; Он глупый.* – *Он дурак*), стилистических (ср.: *необразованный, глупец* – *тормознутый, дубина*), словообразовательных (ср.: *дурак* – *дурашка; ум* – *умище*), а также прагматических и паралингвистических (например, деинтенсификация отрицательной оценки интеллекта наблюдается в ситуации неофициального общения близких людей: – *Дурак ты, Паиска!*; интенсификация – при соответствующем интонационном оформлении высказывания и сопровождающих его жестах: – *Дурак!!! – взорвался он и выразительно покрутил пальцем у виска*). Характерная для русской ЯКМ шкалированность и градуированность оценки человека разумного свидетельствует о неоднозначности, динамичности, иерархичности образа-концепта «homo sapiens».

В четвертой главе **«Языковой образ-концепт «homo sapiens» в прагматилистическом аспекте»** объект исследования описывается с функциональной точки зрения.

Оценочность, проявляющая себя на всех уровнях языковой системы, является необходимым и обязательным компонентом содержания речевых произведений, в которых присутствует тема интеллекта. Способность оценки homo sapiens включаться в разные дискурсы, отличающиеся стилевой принадлежностью, социальными портретами участников коммуникации, культурно-историческим фоном, является показателем высокой функциональной мобильности образа-концепта «homo sapiens» в русской ЯКМ. Созданная на основе анализа оценочных дискурсов типология речевых жанров, в которых реализуются высказывания о человеке разумном,

ориентирована на наиболее типичные сопутствующие оценке интенции говорящих.

Портретирование – это речевой жанр, в основе которого лежит коммуникативное намерение автора (говорящего) описать или воссоздать с требуемой степенью словесной детализации лицо (чаще не являющееся участником коммуникативной ситуации), его отличительные признаки и характерные проявления.

Портрет человека – это всегда портрет homo sapiens, поскольку вне интеллектуальной ипостаси человек не мыслится и она определяет все человеческие проявления. Интеллектуальная оценочная доминанта (оценка человека через призму его интеллектуальных данных) прослеживается в высказываниях-портретах человека, содержащих прямую оценку интеллекта. Например, эта тенденция отражена в характере взаимодействия в таких высказываниях предикатов ИС с предикатами нравственной и физической сфер. Соседствуя друг с другом в высказываниях-портретах, названные предикаты создают как однородные, так и неоднородные по знаку оценки ряды. Отмечается возможность использования предикатов ИС в роли завершающих или обобщающих элементов однородных оценочных рядов, а также смысловой вершины в градационной цепочке предикатов, что свидетельствует о том, что оценка человека по интеллекту представляется говорящим наиболее важной в портрете человека. Например: *Это молодчина, деловик, вол, умница!* (М. Горький); *Девчонка пустая, капризная, жадная, притом еще и дура!* (А.П. Чехов); *Одевается безвкусно, двух слов связать не может – короче, дебил* (из разг.).

Ценностное доминирование интеллекта при портретировании человека в наибольшей степени проявляется в высказываниях с причинно-следственной семантикой. Например, та или иная оценка интеллекта человека может становиться причиной соответствующей оценки других его сторон: *Он если и имеет какие недостатки, так чисто как человек необразованный: и скупенек немало и не совсем благоразумно строг к людям* (А.Ф. Писемский); *Будучи умной женщиной, она отличалась тактом, привычкой молчать, пока с нею не заговорят* (из разг.); *Она женщина скромная, без бахвальства, потому что умная* (из разг.); оценка интеллекта может быть следствием характеристик и оценок различных проявлений человека: *Кокетка и кривляка – ума ни на грош* (из разг.); *Он пишет, и у него вполне интеллигентное подвижное лицо, тонкие выразительные черты, высокий лоб и усталые глаза – вполне допустим развратный интеллект* (М. Ибрагимбеков); *Хозяйка отличная, не ворчит, все тонко чувствует – умный человек теща* (из разг.).

В высказываниях-портретах оценка интеллектуальной стороны человека может предопределять оценку внешних данных (например: *умный – значит, красивый; глупый – значит, некрасивый*); пол, возраст, национальная, социальная принадлежность человека становятся причиной

той или иной оценки его интеллектуальных проявлений (например: *женщина – следовательно, мыслит нелогично; старик – следовательно, умудренный опытом; деревенский – следовательно, малообразованный; чукча – следовательно, туповатый*). Однако такая предопределенность не является всеобщей.

В высказываниях-портретах, содержащих оценочное противопоставление интеллектуальных данных и физических, нравственных характеристик человека, его конкретных действий, поступков, состояний, homo sapiens предстает многоликим, неоднозначным существом, в котором умственные достоинства уживаются с нравственными недостатками, физическим несовершенством, а скудость интеллекта – с высокими моральными качествами, привлекательной внешностью; пол, возраст, национальная, социальная принадлежность человека противопоставляются оценке его интеллекта и т. д. Например: *Это [Катишь Прыхина] нечто очень доброе, но немилосердно глупое* (Н.В. Шелгунов); *Горьковский худ, некрасив и умен, как фокстерьер* (А.С. Макаренко); *Это был самый старый, но самый неумный командир во всем уезде* (А.А. Фадеев).

Высказывания-портреты, выдержанные в форме описаний событий или действий, констатации фактов, имеющих отношение к человеку, содержат косвенную оценку интеллекта участников событий, производителей действий, объектов фактологического описания. Например: *В очередной раз попав в тупик с ударением, он [Д. Дибров], ничуть не смутившись и не подумав извиниться за запинку, почти торжественно изрек: «Ну не знаю, как там правильно. Пускай вот тот профессор с факультета журналистики, который там учит телевидению, пусть он меня поправит»...* (из газ.). Поскольку интеллектуальная ипостась человека трактуется носителями русского языка широко и коррелирует практически со всеми иными его ипостасями, в жанре портретирования с оценкой интеллекта в соответствующей ситуации общения могут реализовываться высказывания о любом проявлении человека.

Одобрение и порицание – это речевые жанры, в основе которых лежат коммуникативные намерения автора (говорящего) выразить положительную или отрицательную оценку действия, поступка, поведения адресата или лица, не участвующего в общении (реже – собственного действия, поступка, поведения). Анализ оценочных высказываний о homo sapiens, реализованных в этих речевых жанрах, позволил выявить ряд общих для них характеристик: основанием оценки является широкий круг проявлений человека, в которых говорящие видят интеллектуальную первопричину; прямая оценка интеллекта сочетается с широким кругом интенций (это может быть одобрение, за которым скрывается благодарность, комплимент, признание, призыв к действию; порицание в разных ситуациях может становиться советом, предостережением, угрозой, запугиванием или приобретать характер

инвективы, особенно в ситуациях ссоры); оценка интеллекта может быть прямой или косвенной.

Для предикатов ИС, задействованных в высказываниях-одобрениях и высказываниях-порицаниях, характерна десемантизация, экспансия в другие сферы внешнего и внутреннего человека. Например: *Посуду всю перемыла, пол подмела – умница!* (из разг.) (*умница* в смысле *трудолюбивая, аккуратная*); *Чашку разбил? Идиот!* (из разг.) (*идиот* в смысле *увалень, неуклюжий*); *Глупо, сударь! Да! Мало того, что морят пассажиров угаром, духотой и сквозняком, так хотят еще, черт ее побери, формалистикой добить...* (А.П. Чехов) (*глупо* в смысле *бесчеловечно*).

При участии отрицательно-оценочных предикатов ИС происходит активный процесс сближения речевого жанра порицания с императивными речевыми жанрами (например: *Дурак!* в смысле *Уходи!; Не кричи!; Не спеши!*), что является показателем взаимосвязи оценки человека по интеллекту с действиями, определяющими эту оценку.

Преобладание высказываний, содержащих отрицательную оценку интеллекта, в сравнении с немногочисленными высказываниями-одобрениями, содержащими положительную оценку *homo sapiens*, наибольшая градуированность шкалы отрицательной оценки человека разумного являются свидетельством того, что образ-концепт «*homo sapiens*» в русской ЯКМ характеризуется асимметричностью оценочных смыслов с тяготением в сторону отрицательной оценки.

Об этом же говорит и разнообразие форм выражения косвенной отрицательной оценки интеллекта. Так, для порицания с отрицательной оценкой интеллекта говорящие используют репрезентативные высказывания (например: *Видимо, в ожидании прибытия из Кремля судьбоносных законопроектов о реформе выборов губернаторов и депутатов Госдумы нижняя палата нашего парламента в первые свои рабочие дни решила поразмяться. Вроде кота, который, прежде чем прыгнуть на птичку, скребет когтями землю. Наверное, именно поэтому из-под когтей, вернее перьев, депутатов выходят на свет законопроекты, без сомнения, важные, но, мягко говоря, не самые актуальные. Вроде запрета пить пиво на улице или ездить в авто по тротуару* (из газ.), высказывания-директивы (например: *Повторите таблицу умножения!* (из разг.), несобственно-вопросительные высказывания (например: *Неужели вы даже этого не понимаете?* (В. Шукшин), прецедентные и непрецедентные сентенции (например: *Дуракам закон не писан* (из разг.); *Чтобы принять правильное решение, надо думать самому и не ждать подсказки* (из разг.)). Распространенной формой не прямой оценки интеллекта являются высказывания, в которых объект оценки полностью имплицитруется или скрывается за обобщающими наименованиями типа *люди, власти, большинство, кое-кто, некоторые* (например: *Законы, ранее присущие*

только «зоне» или специнтернату для дебилов, теперь растекаются по белой скатерти, как кофейное пятно, и становятся нормой жизни (из газ.); *Надо быть просто безмозглым политиком, чтобы начать эту войну* (из газ); *Очень хочется верить, что до властного Олимпа дойдет наконец то, что знает любой третьекурсник эконофака* (из газ.).

Образ-концепт «*homo sapiens*» включает в себя речевые репрезентации, для которых характерно сочетание косвенной отрицательной оценки объекта и не прямой положительной самооценки субъекта (автора) высказывания (например: *Пятнадцать лет мне исполнилось, к сожалению, давно. Еще Брежнев был жив. Тогда я впервые поняла, что власть, мимо которой я спокойно жила и дальше, считает меня за идиотку... Впоследствии меня считали олигофреном с легкой степенью дебильности, но это гораздо лучше идиотии. Я даже стала надеяться, что скоро меня выпишут из «дурки» с обязательством принимать успокоительные таблетки... Но даже самые глупые почему-то сильно переживают, когда наконец понимают, что их дерajat за идиотов* (из газ.).

В высказываниях-одобрениях и высказываниях-порицаниях *homo sapiens* как объект оценки демонстрирует свою неоднозначность, многоплановость, *homo sapiens* как субъект оценки – скупость на положительные оценки интеллекта, ориентацию на их социальную запрограммированность и преимущественное реагирование на негативные проявления человека, трактуемые как причина или следствие умственных недостатков.

Сентенция – это речевой жанр, в основе которого лежит коммуникативное намерение автора (говорящего) выразить наставление через напоминание адресату общеизвестной истины поучающего характера. Сентенция как оценочный речевой жанр имеет следующие особенности: оценка в ней скрывается за поучением, морализаторством и потому характеризуется как косвенная; сентенция воспроизводит стереотип – устойчивое представление о предмете; она тяготеет к воспроизведению «чужого слова» – хрестоматийного, общеизвестного текста.

Отправной точкой хрестоматийных сентенций-текстов, поднимающих тему интеллекта, является знание того, что существует две противопоставленные друг другу интеллектуальные ипостаси человека: умный и глупый; соответственно одна из них оценивается положительно, другая – отрицательно. Интеллектуальные антиномии (ум и глупость) трактуются в сентенциях широко: например, ум связывается с положительными нравственными качествами, трудолюбием, речевым мастерством; глупость – с заносчивостью, непрактичностью, пассивностью и т. д., т. е. интеллектуальное начало распространяется на все стороны человека. Ср. русские пословицы: *Разумный видит, что за чем идет; Умный слышит вполслова; Кто умнее, тот достанет поскорее; Умный и*

согрешит, и поправит; Умный одно слово вымолвит, и то скажется. – У дурака дурацкая и речь; За глупой головой и ногам неупокой; С дураком ни поплакать, ни посмеяться; Один дурак, а умных пятерых ссорит; С глупым и найдешь – не разделишь.

Содержащаяся в хрестоматийной сентенции оценка человека вообще в конкретной ситуации общения приобретает конкретную направленность. Хрестоматийная сентенция, в которой поднимается тема интеллекта и содержится его оценка (особенно отрицательная), в силу своей авторитетности, относительной «неуязвимости», является удобной формой косвенного выражения отношения говорящего к объекту (например: *И не жить нам без идеологического промывания мозгов. Или грудь в нательных крестах, или голова в мыслях о реорганизации Рабкрина. Заставь дурака богу молиться, он себе и лоб разобьет. Поэтому и молиться не тянет. Или умный стал, или лоб жалко. А политикам в храм – прямая дорога* (из газ.).

Индивидуально-авторские высказывания-сентенции о homo sapiens тяготеют к хрестоматийным сентенциям-текстам: и те, и другие воспроизводят одинаковые стереотипы: *А ежели сам до ума доходить не будешь, то так и помрешь дурачком, последним человеком* (А.П. Чехов) – *Ум имей хоть маленький, да свой* (посл.); *Даны мужчине большая, чем у женщины, сила и решительность, аналитический склад ума* (из газ.). – *Волос долог, да ум короток (у бабы)* (посл.); *Подчиненному не пристало тягаться умом с начальством* (из газ.). – *Ты начальник – я дурак, я начальник – ты дурак* (NN).

Поучающая природа высказываний-сентенций обуславливает наличие в них директивного смысла: прямого или косвенного совета, приказа, предостережения (соответственно экспликации или импlications императивных форм). Ср.: *Сперва подумай, а потом и нам скажи* (посл.); *Фразы следует укорачивать до размера мысли* (NN). – *Кто думает, тот до чего-нибудь додумывается* (посл.). = *Думай, чтобы до чего-нибудь додуматься; Даже в том, что не имеет смысла, есть свой смысл* (С. Скотников). = *Ищи смысл во всем.*

Нравоучения на тему интеллекта характерны для разных дискурсов: разговорного, художественного, политического, публицистического, педагогического и т. д.: *Надо слушаться старших, не по улицам бегать, а побольше читать. Тогда станешь умным мальчиком* (из разг.); *Инстинкт иногда разумнее разума... Эволюцию человеческого сознания нельзя путать с хамелеонством* (из интервью с Е. Евтушенко); *Глупость – это не отсутствие ума, это такой ум* (А. Лебедь); при этом далеко не всегда нравоучения являются ситуативно запрограммированными, отражая отмеченную А. Вежибицкой любовь русских людей не просто к морализаторству, но к морализаторству, тяготеющему к оценке человека через призму интеллекта.

Подробнее вопрос об отображенных в языке истоках и характере стереотипных представлений о homo sapiens рассматривается в пятой главе **«Лингвокультурологическая интерпретация образа-концепта «homo sapiens»: стереотипизация человека разумного в русской языковой картине мира»**.

В основе ряда стереотипных представлений о homo sapiens и их языковых репрезентаций лежат древние образы и социально-культурные идеи, повторяющиеся на протяжении всей истории мотивами (К.Г. Юнг). Исходным для образа-концепта «homo sapiens» в русской ЯКМ стереотипом является сформировавшееся в средневековые представление о человеке как уникальном творении и о разуме как величайшей ценности, которая определяет уникальность человека. В христианском мировоззрении, нашедшем свое отражение в религии, обычаях русского народа и памятниках Древней Руси, человек предстает венцом творения Бога. Феномен человека христианство видит в дарованном Богом разумном начале. Образ Бога-дарителя разума исторически присутствует в сознании русских людей, что прочно закреплено в устойчивых выражениях *Бог дал, Бог наградил, Бог вложил*, употребляемых, впрочем, по отношению не только к уму, но и к иным фундаментальным способностям человека и являющихся универсальными заменителями сложных объяснений появления и существования важнейших атрибутов человека, и в первую очередь интеллекта (ср. сформировавшееся позже представление о другом недостижимом физически и мысленно дарителе разумного начала – природе).

В глубокую древность уходит своими корнями и поляризация человека: разум (ум) обрел две противопоставленные ипостаси своего существования: положительно оцениваемую (ум) и отрицательно оцениваемую (глупость): *Одно есть лодка, другое – корабль, одно есть конь, другое – лошак; один – умен, другой – глуп* («Моление» Даниила Заточника).

Согласно христианскому вероучению, главными критериями оценки человека являются его морально-нравственные ориентиры, определяющие отношение к Богу и Божественной грамоте, и степень полезности обществу. В Древней Руси оценки *умный* и *глупый* коррелировали с оценками *добрый* – *злой* (Д.С. Лихачев); важнейшей задачей человека признавалось «умное делание» себя самого, осознание своего долга перед Богом, людьми и самим собой и следование этическим нормам, получившим свое оформление в «Домострое» (В.В. Колесов).

В основе многих русских пословиц и других текстов-сентенций, активно употребляющихся в современной русской речи, лежат библейские истины о многочисленных правильных и неправильных проявлениях человека, дающих основание судить о его уме или глупости, что свидетельствует об исторически сложившихся в сознании носителей русского языка представлениях о взаимосвязи разнообразных проявлений

человека и его умственного начала. Например: *Скудоумный высказывает презрение к ближнему своему, но разумный человек молчит; Глупый весь гнев свой изливает, а умный сдерживает его; Язык мудрых сообщает добрые знания, а уста глупых изрыгают глупость* (Притчи Соломона).

Представление о противоречивом, сочетающем в себе ум и глупость человека – дураке – это образец осмысления типично русского феномена, ставшего символом русской культуры. Дурак в Древней Руси – не столько человек с ограниченными умственными способностями, сколько шут, прикидывающийся дураком, играющий (валяющийся) дурака и сознательно смешавший толпу. Древнерусский «умный дурак» имел немалое количество положительных качеств, за которые его любили и которые не позволяли отождествлять его с глупым человеком (честность, правдивость, смелость, веселый, неунывающий нрав, доброта). Дурак в Древней Руси был сродни юродивому – почитавшемуся церковью безумцу, сознательно отвергшему ум, обладавшему даром прорицателя. Юродивый, как и дурак-шут, был по-своему умен; его безумие было особой формой восприятия и оценки мира. Потребность в дурачестве и юродстве отразилась в русском фольклоре: сказочный Иван-дурак столь же неоднозначен с точки зрения оценки его интеллекта, как смешавший толпу дурак-шут и провидец юродивый.

В исследованиях по истории русской культуры, посвященных феномену русского дурака (труды А.М. Панченко о русском юродстве, А. Синявского – об Иване-дураке, Ю.М. Лотмана – о дураке и сумасшедшем, В. Проппа – о дураке русских сказок, работы В.О. Ключевского, Вл. Соловьева о русском уме и глупости, В.В. Колесова об особой русской ментальности), отмечается, что русский дурак совмещает в себе разные «виды ума»: в нем причудливо сочетаются интеллектуальная смекалка и простоватость, здравый смысл и отсутствие логики, напускная и реальная дурь. Очевидно, поэтому слово *дурак*, как ни одно другое в современном русском языке, полифонично.

В современной русской ЯКМ дурак предстает в нескольких ипостасях: это глупый человек; шут, прикидывающийся дураком; юродивый; чужак (человек со странностями) и, наконец, психически больной человек, непредсказуемый в своих проявлениях; он существо крайне противоречивое и притягательное своей неоднозначностью. Результаты психолингвистического ассоциативного анкетирования показали разноплановость восприятия дурака (от категоричного осуждения до понимания, жалости и преклонения перед высокими моральными качествами), а также разницу в трактовках дурака и глупого человека: если глупый человек – это средоточие отрицательных качеств и проявлений, то дурак – конгломерат положительного и отрицательного, часто с преобладанием нравственных плюсов.

Глубоко национальный образ дурака в русской ЯКМ ассоциируется с «национально окрашенными» интеллектуальными способностями – с

русским умом. За словосочетанием *русский ум* стоит широкое понятийное содержание: это глупость и прозорливость, пассивная созерцательность и активная доброта Ивана-дурака; умственная нерасторопность, смекалка, простодушие, непредсказуемость, доброта, бесшабашность русского человека; необычность, яркая самобытность мышления; это явление, вызывающее удивление, восхищение, недоумение, порицание. В понятие *русский ум* включаются характеристики русского человека, оценки его действий и состояний и за счет этого происходит своеобразное олицетворение: *русский ум* – это образ русского homo sapiens в разных его проявлениях.

Словосочетание *русский ум* близко по значению еще одному словосочетанию, обозначающему типично русский феномен, – *задний ум*. Ср. русские пословицы: *Русский человек задним умом крепок; Русак умен, да задним умом; Русский назад умен. Задний ум* – это запоздалая догадливость русского человека, который сначала сделает, а потом подумает. Задний ум спящий, пассивный, как Иван-дурак, но и запоздало активный, хотя эта активность скорее внутреннего свойства: исправить упущенное вряд ли возможно, зато возникает эффект внутреннего самобичевания, интенсивной работы мысли, направленной на поиски ответов на извечные русские вопросы «Что делать?» и «Кто виноват?». Стереотип «задний ум» регулярно воспроизводится в речевом жанре «порицание», особенно в косвенных отрицательно-оценочных высказываниях директивной формы: *Думай сначала, а потом делай!* (из разг.); *Не надо было затевать эту монетизацию. Теперь сами не знают, как выкрутиться* (из газ.).

Показателями стереотипизации homo sapiens являются ассоциативные образы, возникающие в сознании носителей русского языка при его описании и оценке. Эти образы основаны на традиционных *сравнениях* человека разумного с различными предметами окружающего мира и национально-культурно детерминированных *представлениях* о связи интеллекта с другими сторонами человека.

Среди ассоциаций-сравнений выделяем: 1) *ассоциации-сравнения, основанные на знаниях прецедентных текстов* (они возникают в тех случаях, когда имя героя широко известного текста, прямо или косвенно затрагивающего тему интеллекта, становится прочно ассоциируемым и с этой темой, и с определенной характеристикой или оценкой homo sapiens). Например, прецедентными именами, соотносимыми с прецедентными текстами и регулярно используемыми для характеристики и оценки homo sapiens, являются: *Иван-дурак, Митрофанушка, Чацкий, Остап Бендер, Шариков*. Каждое из этих имен стало символом определенного «рода» homo sapiens; 2) *ассоциации-сравнения, основанные на знаниях прецедентных ситуаций (культурно-исторических реалий)*. Например, из таких ситуаций пришли прецедентные имена *Соломон, Сократ, Ломоносов, Пушкин,*

Эйнштейн, часто используемые в качестве оценочных предикатов ИС; 3) *ассоциации-сравнения*, не связанные с прецедентными текстами и ситуациями (они опираются на жизненные наблюдения, непосредственную практику носителей языка, формирующую представления об окружающем мире). Например, *homo sapiens* регулярно сравнивается с неразумными живыми существами (животными и птицами): *глупый, как осел, баран, курица; умный, как сова, утка, собака*; глупый человек часто сравнивается с неодушевленными предметами (в основном деревянными): *глупый, как чурка, дуб, дерево, бамбук, бревно, пень, лопух, валенок*.

Регулярные ассоциации-сравнения свидетельствуют о том, что в русском языке сформировался особый пласт характеризующих интеллект человека имен-метафор, устойчивых сравнительных оборотов.

Среди ассоциаций-представлений выделяем: 1) *ассоциации-представления*, связанные с половой принадлежностью *homo sapiens* (представления о превосходстве мужского ума над женским, о второсортности женского ума, его противоречивости и логической невыстроенности). Например: *Бабий ум – бабье коромысло: и криво, и зарубисто, и на оба конца* (посл.); *Нет ничего парадоксальнее женского ума: порядок доказательств, которым они уничтожают свои предубеждения, очень оригинален...* (М.Ю. Лермонтов); *Есть две категории женщин: «ужас, какая дура» и «прелесть, какая глупенькая»* (М. Жванецкий); 2) *ассоциации-представления*, связанные с возрастом *homo sapiens* (представления о том, что ум, в первую очередь житейский, накапливается, «наживается» с годами: чем старше человек, тем он умнее). Например: *Ты, Сонюшка, тогда была еще мала, глупа...* (А.П. Чехов); *Лучше вы мне скажите, что вы думаете, – вы меня старше, вам больше знать!* (М. Горький); *С годами человек ума набирается* (посл.); 3) *ассоциации-представления*, связанные с профессией, родом деятельности, социальным положением *homo sapiens*. Например, стереотипные представления о невысоком уровне интеллекта военных, милиционеров, спортсменов, новых русских; о высоких интеллектуальных способностях представителей интеллектуальных профессий: *Наши вояки не обременены интеллектом, и в этом значительно проигрывают гражданским лицам* (из газ.); *Я относилась к спортсменам без всякого интереса. Я принимала их за людей, у которых в графе «интеллект» стоит прочерк* (из газ.); *Мне никогда не льстит Надежда, / И безнадежен мой роман, / Поскольку я профан, невежда, / А он – профессор и декан* (С.Я. Маршак. В альбом жене профессора И.Р. Гальперина); 4) *ассоциации-представления*, связанные с национальной принадлежностью *homo sapiens*. Например, в анекдотах русский человек в обобщенном собирательном значении – это человек особого ума, крайне противоречивый; немец – человек, отличающийся логикой мышления, выверенностью действий, «болезненной» аккуратностью во всем; француз – легкомысленный человек, законодатель мод и образец изысканного вкуса;

чукча – недалекий, необразованный человек, чрезвычайно прямолинейно руководствующийся здравым смыслом.

Выделяются контрастные ассоциации, свидетельствующие о пересечении смыслов у слов, обозначающих человека разумного. Так, *гений* – *очень умный человек* и *сумасшедший*; *сумасшедший* – *глупый* и *гений*; *отличник* – *умный человек* и *ботаник*; *ботаник* – *умный* и *твердолобый* (по данным эксперимента). С пересечением смыслов связано использование одного и того же слова в разных оценочных контекстах. Ср.: *Он интересный, умный парень, отличник.* – *Он зануда, отличник, с ним неинтересно.*

Развенчивание говорящими стереотипных представлений о разных «видах» *homo sapiens* (*старый, а глупый; спортсмен, а умный* и т. д.) создает эффект усиления оценки человека разумного и свидетельствует об относительном характере стереотипизации образа-концепта «*homo sapiens*» в русской ЯКМ.

В **Заключении** содержится обобщающая характеристика основных результатов, представленных в исследовании, которое можно рассматривать как авторский опыт практической реализации идей и методологии антропоцентристской семантики. Один из наиболее значимых результатов работы – описание реконструированного образа-концепта «*homo sapiens*» в русской ЯКМ как единства категориальных семантических черт: партиитивности, оценочности, стереотипизации. *Homo sapiens* представлен в исследовании не только как совокупность внутренних и внешних действий, качеств, состояний, характеризующих человека, но и внешний мир человека, на который проецируются интеллектуальные оценки. Человек разумный как микрокосм в русской ЯКМ сопоставим с макрокосмом – всем существующим мирозданием. Интеллект, с одной стороны, выступает мерилем (критерием) оценки всего, что принадлежит человеку, что его окружает, с чем он связан, с другой стороны, является объектом оценки, критерии которой – все принадлежащее человеку, окружающее человека, связанное с человеком. В языковом образе-концепте «*homo sapiens*» отражены такие черты русского национального характера, как крайняя противоречивость, неоднозначность, признание приоритета нравственных норм, тяга к самокритике, морализаторству, некоторая умственная пассивность и запаздывание в сочетании с интеллектуальным прорывом. Исходная гипотеза кажется нам вполне доказанной: достоверность существования образа-концепта «*homo sapiens*» в русской ЯКМ и его предельно широкое содержание верифицируется рядом выявленных особенностей языковых репрезентаций человека разумного: с интеллектом соотносится бесконечное множество разнообразных по своей природе частей человека; эти части характеризуются и оцениваются по образу и подобию целостного и частичного *homo sapiens*, и наоборот; шкала оценки интеллекта содержит диффузные значения, обусловленные влиянием разных оснований

оценки, и отличается широкой градуированностью; семантическое поле «интеллект» характеризуется незамкнутостью и подвижностью; лексемы ИС в русском языке активно десемантизируются и расширяют сферу своего функционирования; оценка *homo sapiens* имеет богатый прагматилистический потенциал и отличается разнообразием средств косвенного выражения; стереотипизация человека разумного осуществляется на основании причинно-следственной соотнесенности оценки интеллекта с разными сторонами человека. Объективность, адекватность, полнота содержащихся в диссертационной работе выводов обеспечены широтой охвата языкового/речевого материала и интегративным подходом к его анализу. Многоаспектность языкового образа-концепта «*homo sapiens*» открывает перспективы дальнейшего изучения данного ментально-языкового феномена, которые видятся в более развернутом определении и конкретизации влияния субъекта речи/мысли на репрезентации человека разумного, в более полном и последовательном выявлении национально-культурной специфичности образа-концепта «*homo sapiens*» через сопоставление отображения человека разумного в русской ЯКМ и других национальных ЯКМ, в более детальном исследовании характерных для образа-концепта «*homo sapiens*» дискурсов и связанных с ними стратегий и тактик речевого поведения коммуникантов.

Основные положения диссертации отражены в следующих **публикациях**:

1. Образ *homo sapiens* в русской языковой картине мира: Монография. Омск, 2003. 188 с.
2. Категориальные семантические черты образа *homo sapiens* в русской языковой картине мира: Монография. Омск, 2004. 148 с.
3. *Homo sapiens* в речевом жанре «портретирование» // Русская словесность. 2004. № 3. С. 75–78.
4. Насколько глуп Иван-дурак? // Начальная школа. 2004. № 11. С. 73–76.
5. *Русский дурак и русский ум*: архетипические черты языкового образа человека разумного // Русская словесность. 2005. № 3. С. 67–72.
6. Лексико-грамматические способы изображения *homo sapiens* в русском языке // Омский научный вестник. 2004. № 1 (26). С. 147–150.
7. Оценочные высказывания об интеллектуальных качествах человека // Высказывание как объект лингвистической семантики и теории коммуникации: Тез. докл. республ. науч. конф. Часть 1. Омск, 1992. С. 91.
8. Оценочные высказывания об интеллектуальных проявлениях человека в аспекте культуры речевого поведения // Русский вопрос: история и современность: Материалы докл. Второй всероссийской научной конференции. Омск, 1994. С. 122-124.
9. Оценочные высказывания об интеллектуальных проявлениях человека в разных коммуникативных условиях // Актуальные проблемы

филологии: Материалы городской межвузовской науч. конф. Омск, 1994. С. 43-45.

10. Черты традиционного народного мировосприятия в оценочных высказываниях об уме и глупости человека // Славянские чтения: Материалы докл. науч.-практ. конф. Вып. 4. Омск, 1995. С. 8-10.

11. Оценочные речевые жанры (Рекомендации по культуре речевого поведения учителя). Омск, 1996. 21с.

12. Оценка интеллекта человека в литературных и фольклорных сентенциях // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Вып. 1: Сб. науч. ст. Омск, 1996. С. 55-58.

13. К проблеме разграничения речевых жанров // Славянские чтения: Материалы областной науч.-практ. конф. Вып. 5. Омск, 1996. С. 115-118.

14. Оценка интеллекта человека в речевом жанре порицания // Человек – Коммуникация – Текст. Вып. 1. Человек в свете его коммуникативного самоосуществления. Барнаул, 1997. С. 200-203.

15. Лексико-семантическое поле оценочных предикатов интеллектуальной сферы // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Вып. 2: Сб. науч. ст. Омск, 1997. С. 139-144.

16. Особенности оценки интеллекта человека в речевом жанре порицания // Городская разговорная речь и проблемы ее изучения: Межвузовский сб. науч. тр. Вып. 2. Омск, 1997. С. 85-88.

17. Лексико-семантическая представленность объекта оценки в оценочных высказываниях об интеллектуальных проявлениях человека // Славянские чтения. Духовные ценности народа: Тезисы и материалы науч.-практ. конф. Вып. 6. Омск, 1998. С. 153-154.

18. Прямые и косвенные оценочные высказывания о человеке // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Тезисы докладов. Барнаул, 1999. С. 61-63.

19. Семантика базовых моделей оценочных высказываний о человеке // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Вып. 4. Книга 1: Сборник научных статей. Омск, 1999. С. 155-162.

20. Лексико-семантические показатели качества и интенсивности оценки // Гуманитарные исследования. Ежегодник. Вып. 5: Сб. науч. ст. Омск, 2000. С. 78-85.

21. Метафора как показатель степени интенсивности оценки в высказываниях об интеллекте человека // Язык. Человек. Картина мира: Материалы Всероссийской науч. конф. Ч. 1. Омск, 2000. С. 89-92.

22. Интеллект человека в высказываниях-портретных характеристиках // Язык. Человек. Картина мира. Лингвоантропологические и философские очерки (на материале русского языка). Ч. 1. Омск, 2000. С. 66-76.

23. Homo sapiens в русской языковой картине мира (на материале оценочных высказываний об интеллекте) // Вестник Омского университета.

Вып. 3 (25). Омск, 2002. С. 89-92.

24. Прямая и косвенная оценка интеллекта в высказываниях-порицаниях // Филологический ежегодник. Вып. 4. Омск, 2002. С. 98-104.

25. Трактовка ума в наивной языковой картине мира // Язык. Время. Личность. Материалы Междунар. науч. конф. Омск, 2002. С. 353-357.

26. Лингвоантропологическое моделирование языкового образа человека // Материалы Второй региональной науч.-практ. конф. «Информатика и лингвистика»: Сб. ст. Омск, 2004. С. 64-66.

27. Глобализация образа homo sapiens в русской языковой картине мира // Филология в XXI веке: проблемы и методы исследования. Материалы науч. конф. «Пушкинские чтения». СПб., 2004. С. 113-119.

28. Homo sapiens в русских сентенциях // Традиции славяно-русской культуры в Сибири. Материалы Всероссийской науч.-практ. конф. Тюмень, 2004. С. 20-22.

29. Категориальные семантические черты образа homo sapiens в русской языковой картине мира // Категории в исследовании, описании и преподавании языка: Сб. науч. тр. к 80-летию Е.С. Скобликовой. Самара, 2004. С. 263-273.

30. Частично-субъектный способ изображения homo sapiens в русском языке (на материале художественных и нехудожественных текстов) // Актуальные проблемы текста: лингвистическая теория и практика обучения: Материалы Международной науч.-практ. конф., посвященной 85-летию доктора филологических наук, профессора О.А.Нечаевой. Улан-Удэ, 2004. С. 92-94.

31. Образ человека в русской языковой картине мира как национально-культурный феномен // Языковая картина мира: лингвистический и культурологический аспекты: Материалы Второй Международной науч.-практ. конф. В 2 т. Бийск, 2004. Т. 1. С. 277-283.

32. Косвенная отрицательная оценка интеллекта человека в печати (к проблеме речевой культуры публициста) // Редакторские чтения – 2004: Материалы Первой российской науч.-практ. конф. с международным участием. Омск, 2004. С. 68-73.

33. Образ-концепт «мысль» в русской языковой картине мира // Материалы региональной конференции «Актуальные проблемы русского языка», посвященной 70-летию ЧГПУ. Челябинск, 2005. С. 384-388.

34. Языковой образ человека как центральная проблема современной лингвоантропологии // Язык. Культура. Коммуникация: Материалы Второй международной науч. конф. Челябинск, 2005. С. 161-164.

35. Партиитивность как категориальная семантическая черта образа homo sapiens в русской языковой картине мира: Язык, литература, культура: Сб. науч. ст. Бийск, 2005. С. 142-148.

36. Образ дурака в русской культурной традиции (лингвокультурологический аспект) // Филологический ежегодник. Вып. 5-6.

Омск, 2005. С. 104-107.

37. Семантические особенности высказываний-автопортретирований с оценкой интеллекта // Русская словесность в контексте современных интеграционных процессов: Материалы Международной науч. конф. Волгоград, 2005. С. 503-506.

38. Ассоциативные образы как показатели стереотипизации homo sapiens в русской языковой картине мира // Языковая концепция регионального существования человека и этноса: Материалы Второй Всероссийской науч. конф., посвященной памяти проф. И.А. Воробьевой. Барнаул, 2005. С. 287-293.

НИКИТИНА Лариса Борисовна

ОБРАЗ-КОНЦЕПТ «НОМО SAPIENS»
В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА
КАК ОБЪЕКТ АНТРОПОЦЕНТРИСТСКОЙ СЕМАНТИКИ

Специальность 10.02.01 – «Русский язык»

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Подписано к печати 17.05.2006. Формат бумаги 60х84 1/16.
Печ. л. 2.4. Тираж 100 экз. Заказ 169.

Издательство ОмГУ
644077, г. Омск-77, пр. Мира, 55а, госуниверситет